

Шофар в Сибири и мальчик, благодаря которому он прозвучал

Это было в конце короткого сибирского лета, где-то в начале 1940-х годов. Мой дедушка, впоследствии раввин Меир Халберстам, а тогда еще просто юноша 13-ти лет, был заключен в трудовой лагерь вместе со своим дедом Синаем Халберстамом, раввином Жмигруда.

Незадолго до войны, в 1936 году, юный Меир вместе со своей семьей переехал в святой город Иерусалим. Однако позже, когда приближалась бар-мицва мальчика, отец отправил его обратно в Польшу, чтобы тот смог отметить этот особенный день в хасидском дворе своего дедушки. И сложилось так, что он прибыл в Польшу как раз в тот момент, когда уже невозможно было игнорировать гул надвигающейся войны.

Ученики, родственники и члены общины, отчаянно пытались спасти свои жизни. Не имея возможность вернуться в Иерусалим, Меир сбежал с дедом и ближайшими родственниками в Россию. Наконец они были в безопасности – по крайней мере, так им казалось.

Однако российское правительство не могло не воспользоваться возможностью и заставило многочисленных польских беженцев, которые теперь наводнили страну, работать. Меир, его дедушка и все их окружение получили приговоры как враги народа и были приговорены к изнурительным работам в неумолимой сибирской тундре.

Приближался Рош а-Шана, когда скоротечное лето внезапно закончилось, сменившись беспрерывно завывающим, пронизывающим до костей ветром. Юный Меир заметил, что с каждым днем его дедушка становился все более и более подавленным. На вопрос, что же его терзает, раввин чуть не зарыдал: «Как мы будем трубить в шофар?!» Несмотря на то, что среди вещей у рава

Синяя с собой был настоящий шофар, который издавна передавался в их семье из поколения в поколение, мысль о том, что при трублении его могут поймать озлобленные русские лагерные охранники, не давала ему покоя и очень пугала.

За две ночи до праздника Меир разработал дерзкий план. Он проснулся посреди ночи и обернул тканью руки и ноги, чтобы заглушить любые звуки, которые он мог издать. Из своего окна Меир наблюдал, как охранники пили и танцевали до поздней ночи. Он подождал, пока они не свалились в пьяном забытии, а затем тихо направился сквозь ветер и холод к передней части лагеря, где находился гигантский колокол.

Юноша осмотрелся по сторонам и взобрался по высокому столбу, на котором этот колокол держался. Достигнув вершины и собрав все свои силы, Меир распутал веревку, удерживающую колокол, и проследил, как тот рухнул на землю, разбившись на тысячи крошечных осколков. Затем он так же быстро и тихо соскользнул обратно на землю и вернулся в казарму.

На следующее утро поднялся шум. Продрав глаза после попойки, охранники увидели разбитый колокол и поняли, что столкнулись с огромной проблемой. Как же теперь им каждое утро будить заключенных? Ведь потребуются недели, если не месяцы, пока они смогут приобрести новый колокол! К тому времени, когда заключенные были на ногах, охранники в гневе искали кого-то, кто виноват в случившемся.

Меир шепотом рассказал деду о бравой миссии, которую ему удалось выполнить прошлой ночью, и объяснил свой план.

Дядя Меира вышел вперед и предложил главе охраны помощь с решением проблемы. Он объяснил, что по счастливому совпадению в их семье есть старый пастуший рог, и его отец с радостью будет одалживать его охранникам каждое утро, чтобы разбудить заключенных, пока командование лагеря не раздобудет новый колокол. Командир потребовал, чтобы мужчина немедленно принес рог. Рав Синай тотчас отправился в казарму и вернулся с

шофаром в руке, издавая чистые громкие звуки, которые проносились через весь лагерь.

«Дай же мне его, чтоб я попробовал протрубить», – скомандовал офицер, хватая шофар из рук раввина. Он поднес рог ко рту, но как бы сильно ни старался дуть, звук не получался. В этот момент дядя Меира подсказал разочарованному командиру, что его отец был прежде «профессиональным трубителем в рог», и, возможно, было бы неплохо, если бы именно он мог помочь и трубить каждое утро. Офицер согласился и назначил раввина на должность «официального пробуждающего». И пока не установили бы новый колокол, он должен был ежедневно будить лагерь.

Слухи быстро распространились по лагерю, и вскоре все заключенные евреи знали, что главный раввин Жмигруда на следующее утро, в первый день Рош а-Шана, будет трубить в шофар. Когда солнце еще только показалось из-за горизонта, давая начало морозному утру, еврейские заключенные уже встали и с нетерпением ожидали знакомых звуков.

Пока Ребе трубил, из его глаз текли слезы, да и заключенные плакали и молились, а юный Меир с гордостью в сердце дрожал, слушая, как пронзительные звуки шофара прорезают мглу и наполняют лагерь надеждой и силой. Он прекрасно знал, что это трубление не забудет никогда в жизни.

Впереди у Меира и его семьи было еще немало трудностей, но в конце концов он смог вернуться к берегам Израиля (тогда еще Палестины), где его радостно встретили родные, благодаря Всевышнего за великие чудеса, которые он заслужил.

Будучи внучкой раввина Меира Халберстама, благословенна память праведника, я только недавно услышала эту историю, и она произвела на меня неизгладимое впечатление. Я всегда воспринимала Рош а-Шана как время надежды и радости, потому что испытывала уверенность в том, что Всевышний примет наше раскаяние и подарит нам прекрасный и сладкий новый год.

Я пытаюсь представить, как происходило то трубление в шофар,

которое смог много лет назад организовать в трудовом лагере мой дед, и задумываюсь о невероятной силе духа, которую оно придало ему самому и другим евреям, которые его слышали. Возможно, в этом году, если я закрою глаза и прислушаюсь к своей душе, то смогу услышать те же звуки веры, мужества и надежды, которые мой дедушка Меир услышал тем пронизывающе холодным сибирским утром.